

АЛЁНА АЛЕКСИНА

Лишний час

Он и книгу-то эту купил от нечего делать.

Обычно у него все расписано по часам: подгонка протеза, встреча в группе поддержки. В одиннадцать петанк в парке Эсперанс, потом обед с партнерами — и так целый день, изо дня в день. Но в то утро он получил странное сообщение от ассистентки доктора Тома. Всего два слова: «Прием переносится».

Он уже сидел в кофейне, дожевывая последнюю тартинку, внутренне подбирался, готовясь расплатиться и пойти прополоскать протез в туалете — неприятная, но необходимая процедура, — как вдруг пришло это сообщение — на какой день переносится? в связи с чем? какая удивительная беспечность, даже бестактность — не сопроводить

подобное сообщение извинениями! не сменить ли врача? — и он внезапно оказался владельцем совершенно свободного часа с четвертью.

Ощущение было необычным. Он повертел его внутри, полюбовался блестящими гранями совсем новенького, ничему еще не принадлежащего часа. Добавочная четверть выглядела куском воскресного пирога — крайне для четверга неуместным. Но, если дают, надо брать — эта простая философия не раз выручала его и в более сложных ситуациях. Хотя врача сменить следует. Но он подумает об этом потом.

Выйдя из кафе, он огляделся.

Направо, чуть вниз по мостовой, кабинет доктора Тома. Направо сегодня он точно не пойдет.

В груди зрело предвкушение авантюры. «Или ишемия», — сощурился он.

Не слишком задумываясь, он пересек проезжую часть и вошел в книжную лавчонку напротив.

Книга сразу попала ему на глаза. Громкая новинка, наверное. Вся витрина уставлена.

Он отпустил дверь — закачались баннеры на гибких хоботках, в нос ударил свежий запах пластика — и шагнул внутрь. Что ж, книги теперь пахнут совсем не так, как прежде. «Да и сам-то ты уже не такой цветочек», — подумалось ему. Витрина

отразила кривоватую ухмылку. Дверь захлопнулась за спиной.

Пока витрина не отразила что-нибудь еще, он то ропливо взял с выкладки первый попавшийся щуплый томик: невзрачная однотонная обложка, плохо читаемый заголовок — и имя автора, по странной новой моде, мелким шрифтом внизу. Расплатился картой — досадная оплошность! — с неудовольствием отверг бумажный пакет, полагавшийся к покупке, и с книгой в руках вышел на улицу.

По дороге от дома к кафе он всегда проходил мимо сквера с голубями и пенсионерами и каждый раз фыркал: откуда у людей столько времени — просто сидеть на солнце, жмурясь по-кошачьи? Постепенно теряешь человеческий облик, если поступаешь так изо дня в день. Не извиняет даже старость. В конце концов, ему — он вдруг мысленно споткнулся — восемьдесят четыре, но у него такой же плотный график, как в сорок.

Однако даже в выверенном графике возможны погрешности. Это вполне извинительно, если происходит по чужой вине. Зато теперь у него была книга и просторный час в придачу, и он легко зашагал к скверу. Что ж, вот и узнаем, каково это — коротать время на солнышке. Сочтем этот час увольнительной.

Он прогулялся туда-сюда, тщательно выбирая скамейку,— чтобы не слишком в тени, но и не очень-то на солнце, а главное — подальше от других стариков, чтобы даже запах старости остался в стороне.

Присел вначале формально, на край, будто ждет кого-то. Затем, стыдливо оглянувшись — не смотрит ли кто? — устроился поудобнее и открыл книгу.

Телефон, как всегда по четвергам, стоял на беззвучном, а потому о том, что прошел не один час, он догадался только по странным ощущениям в бедрах — просто перестал их чувствовать.

Он всегда быстро читал. Не терпел тратить много времени на принятие пищи и получение информации, да и роман оказался небольшим. Последние страницы он переворачивал задыхаясь, торопливо загибая уголки то с одной стороны, то с другой. Слова в финале дались ему особенно тяжело, но он сглотнул поднимавшийся по пищеводу ужас и велел себе думать.

Решение созрело быстро. Вынув телефон, он первым делом уточнил кое-что в интернете. Затем, не читая, удалил все полученные за это время сообщения и, порывшись в настройках, быстро стер все, что касалось его жизни: номера телефонов,

почту. На мгновение замешкался, взглядевшись в ускользающие из памяти лица на единственной фотографии, затем удалил и ее. Особенно тщательно уничтожил заметки календаря. Затем откатил аппарат к заводским настройкам и только потом выключил. Не без труда выщелкнул сим-карту.

Ох уж эта современная техника, за восемь секунд уже не разберешь.

Разбросав сеть незаметных взглядов, он просканировал возможных свидетелей, затем быстро, но тщательно протер телефон и сим-карту краем легкого шарфа и, в тот же шарф их завернув, не без труда поднялся со скамейки и зашагал к ближайшему мусорному баку. Там он рассчитанным движением выронил телефон на камень — ах, какая неловкость! — и раздавил его каблуком, а затем поднял — все тем же краем шарфа — и опустил в мусорный бак. Сим-карта скользнула в карман — нужно будет выбросить в другом районе.

Он открыл книгу на первой из загнутых страниц и перечитал описание. Ошибки быть не могло. Заложив книгу пальцем, он по привычке двинулся к метро — и остановился через несколько шагов.

В метро камеры. Они зафиксировали, как и когда он вошел с книгой в руках. Такси надежнее. И расплатиться наличными. Как удачно, что доктор Тома не принимает карты.

Доковыляв до перекрестка, он вскинул руку, подзывая такси. Нужно будет сменить пару машин, пока добирается до места. Годы работы научили его, что подобные предосторожности лишними не бывают. Вдруг еще удастся уйти.

Привычным жестом он слегка сдвинул манжету, чтобы незаметно глянуть на часы. Как раз успеет забрать «блок» и приехать к шести в центральный книжный.

Он не станет стрелять сразу. Подождет немного. Убедится, что никто не привел с собой детей.

Послушает автора — удастся ли узнать его голос?

Задаст вопросы.

«Как вам пришла в голову идея этой книги?» — спросит он.

Пусть тот почувствует себя настоящим писателем. Пусть расслабится перед следующим вопросом.

Дальше можно бить кучно.

«Как вы узнали, кто из жертв был убит первым?»

«Откуда вам известно, что именно говорила женщина, когда умоляла не убивать хотя бы новорожденную дочь?»

И, когда тот уже все поймет и, наверное, попытается бежать, можно будет достать «Глок» — и перед выстрелом задать последний вопрос:

«Сообщили ли вам, что у мсье и мадам Брессар было не трое, а четверо детей?»

АЙГУЛЬ КИСЫКБАСОВА

Домовой

Впервые домовый шепнул о себе в лохматый апрельский день, когда дождливая весна монотонно капала с крыши и мочила хмурых толстых голубей, взявших привычку зимовать на нашем подоконнике до уверенного, уже неотменяемого тепла.

Я слонялась по квартире и с укором косилась на настенные часы. Они ворочали стрелками сонно, медленно, по-стариковски, вредничали и не спешили объявлять вечер, когда мама придет с работы и — я невольно сглотнула — принесет «взятку». Сушки, пряники, вафли. Если повезет, коробку лежалых, покрытых белыми трещинками, но шоколадных — и от того как будто все равно восхитительных — конфет. Вкусные осколки чужих столов,

что перепадали усталому участковому доктору от меру благодарных больных.

Мама всегда говорила о них «больные», никогда «пациенты», и потому в моей голове они ощущались и виделись странно: дрожащими, в бисеринках липкого пахучего пота, с холодными палочками градусников в горячих сухих подмышках. После прихода мамы, после ее шприцов, таблеток, внимательных рук и глаз, желтых коротеньких листков с рецептами, пахнущих надеждой, они распрямлялись, выдыхали, нашаривали тапочки, вставали и шли к своим шкафам, вынимали оттуда простые сласти — для докторской дочки.

Приходя вечером домой с «взяткой», мама особым образом, бережно, ставила свой рабочий пакет передо мной. Я ныряла туда обеими руками по самые плечи, доставала добычу и несла ее на кухонный стол — делить между мамой и мной, шуршать обертками, есть вприкуску к чаю, ни крошки до следующего дня. Однажды в мамином пакете оказался кусок домашнего пирога с капустой, завернутый в застиранное маленькое полотенце. Он был до того вкусным, что казался ненастоящим. Пирог из другой вселенной, в которой еще не придумали разваренных макарон, поджидающих

меня каждый день дома,— угрюмый слипшийся ком на дне кастрюли.

Но чаще наш вечерний чай был пустым. Дни, целые недели, когда мамин пакет пах только усталой бумагой и недавним дождем. В такие вечера даже лампочки на нашей кухне светили тускло, болезненно, бисеринками липкого пота, и казалось, что до маминой зарплаты — век вековать.

День длился, часы упрямо не разрешали вечер. Делать мне было решительно нечего: Юлька со второго подъезда еще сидела на уроках — вторая, поздняя школьная смена, а Алимущу из пятого увезли к отцу на весь день.

Я поплелась в прихожую, скорчила от скуки пару рожниц зеркалу и заприметила в отражении, за своей спиной, черный хрустящий мамин плащ, висевший на нижнем — едва дотянуться кончиками пальцев — коридорном крючке.

Плащ пах мамой. Ее кожей, ее руками, немножко лекарствами — эхом маленького кабинета в поликлинике, ее отсутствием долгими-долгими скучными днями. Обняв запах мамы, зарывшись в него, я запустила руки в глубокие косые карманы плаща, загадав найти автобусные билетки. Мама никогда их не выбрасывала, копила для меня, с усталой рассеянной улыбкой смотрела, как я,

морщась от напряжения, складывая непослушные цифры, высчитываю счастливые номерки, способные исполнить любую, даже самую несбыточную мечту. Например, чтобы папа снова жил с нами. Или чтобы мои волосы плелись мягкими кудрями, как у сестры.

Билетиков не случилось, мама еще не успела накопить. Но в левом кармане плаща я внезапно нащупываю маленький холодный кругляш и, не веря пальцам, вытаскиваю большую, тусклым серебряным бликом по ранту, монету. 50 тенге! Целое состояние, никаких билетиков не нужно! Вот только откуда она здесь? Денежки нам еще не выплатили даже за февраль, а аванс, сказала мама несколько дней назад, озабоченно заглядывая в пустой холодильник, мы вот-вот проедем.

Крепко сжимаю внезапную находку в кулаке. Мысли в голове вдруг делаются веселыми, бойкими, смешливыми, торопятся, толпятся, выются разноцветными короткими лентами. Сейчас каа-аак пойду в магазин и каа-аак накуплю всего-всего!

Рогалики! Обгрызть сначала сухие тонкие кончики — по дороге к дому, на ходу, так всегда вкуснее, затем разрезать пополам, начинить сливочным маслом и вареньем и съесть с чаем. Ой, а ведь ни